

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ ФАКТОРЕ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОГРАММ В ТЮМЕНСКОМ РЕГИОНЕ

А.П. Ярков

Тюменский государственный университет

Современные миграционные процессы как плод глобализации – часть многосложной и многослойной ситуации, что существует в мировом пространстве, где есть мигранты и страны, выступающие как доноры (отпускающее общество) и реципиенты (принимающее общество). Сохранение мира и согласия между различными этническими, религиозными, социально-культурными сообществами остро необходимо и для сохранения единства Российской Федерации, для создания препятствий разжигающим конфликты экстремистским силам внутри страны и за ее пределами.

Ситуацию вокруг миграции нельзя рассматривать вне общих политических, социальных, демографических перспектив. Наша страна существует в конкретном географическом, историческом, культурном пространстве. Она является одним из осколков «советской империи», окруженным своеобразным «культурным хвостом империи», состоящим из населения, по большей мере, воспитанным на русско-советской культуре и ценностях, для которого РФ является «не в полной мере иностранным государством», а страной, к которой испытывается комплиментарность и лояльность (хотя не стоит абсолютизировать подобные настроения). Эти факторы позволяют более спокойно относиться к миграции таких людей с точки зрения социокультурных и политических ее последствий. Несомненно, это возможно только при наличии стратегии государства в отношении миграционных процессов и для быстрой адаптации прибывающего в страну «нового» населения.

Можно оперировать различными данными, но важнее знать, что по подсчетам российских экономистов, занимающихся народнохозяйственным прогнозированием, обольщаться официальными показателями не стоит – в среднем соотношение числа лицензированных и незаконных трудовых мигрантов в приграничных районах, как и в г. Москве, строится на пропорции 1 к 8-10 чел.(1). Значимее, как представляется, «нарисовать» среднестатистический портрет мигранта, прибывающего в Западную Сибирь. Ему – мигранту (из которых 69,1 % – мужчины) из Средней Азии 31,5 лет, а 67 % имеют семью, оставшуюся в стране-доноре. Образовательный уровень достаточно высок: 21,3 % имеют высшее и незаконченное высшее, а 39,4 % имеют среднеспециальное образование. Мигрант на 71,3 % – горожанин (хотя большинство опрошенных киргизы и узбеки), а т.к. многие города Средней Азии мало чем отличаются от стандартно европеизированного средне-российского города, то не

удивительно, что 93,6 % мигрантов свободно владеет русским языком (2). Мигрант, как правило, является носителем русифицированной городской культуры и европейских стандартов поведения. В сельской же местности население больше подвержено архаичным ценностям (ориентация на заданные прошлым опытом образцы) и остается в большей степени носителем традиционной культуры.

Анализ факторов, по которым объединяются в диаспоре мигранты, можно провести на примере таджиков, причины увеличения здесь численности известны: в Таджикистане конфликт региональных элит, вмешательство «религиозного и этнического фактора» вылились в ужасающую по размаху и последствиям гражданскую войну. Заметим, что вслед за невольными мигрантами и под их «флагом» в Россию потянулись беженцы и апологеты движения «Талибан», проповедующие радикальные формы борьбы за «чистоту веры» (3). Показательна для анализа и территориальная палитра таджикской диаспоры в Тюменской области: в южных районах из зафиксировано в 2002 г. 1 734 чел., в Югре – 5 651 чел., а на Ямале – менее 1 тыс. Таджики-мигранты есть почти во всех городах (в т.ч. в Тюмени, Новом Уренгое, Сургуте, Ханты-Мансийске, Надыме, Ялуторовске, Заводоуковске); есть таджики и в сельской местности, где они часто оседают среди татарского населения, нередко выполняя обязанности имамов в мечетях. То, что они более исламизированы, свидетельствует то, что в г. Сургуте постоянными прихожанами мечети являются таджики (4). Парадоксальная, но для анализа этнического фактора показательная ситуация – птицефабрика «Тюменский бройлер» долгое время не могла запустить конвейерную линию для выпуска «халяля» – дозволенного по законам шариата мяса, пока за дело не взялся таджикский мигрант (5).

Социологами фиксируется, что к *чужим* принадлежат не только выходцы из среднеазиатских или южнокавказских государств, но почти все внутрироссийские мигранты с Северного Кавказа (6), ставшие «чужими» не столько из-за этнокультурной дистанции, сколько из-за тамошних (в т.ч. вооруженных) конфликтов. Так, по данным опросов ВЦИОМ в 2002 г. показатель неприятия (ксенофобии) по отношению к чеченцам достиг 70 %. Несомненно, что подобная избирательность оказывает свое негативное воздействие и на общественное сознание миграционных меньшинств. В бытовых разговорах, кроме того, существует любопытное деление всех кавказцев (независимо от гражданства) на «ариков» и «азиков», где разграничительная линия приходится не на этническую, а на конфессиональную принадлежность, т.е. христиан и мусульман (7). Видимо информационный фон, который создают бытовые суждения, тиражированные многими СМИ, дифференцируют кавказцев в сознании и в отношении к ним (стереотип восприятия) части местных жителей.

Совокупность факторов заставляет объединяться в Тюменской области многих мигрантов по этническому или религиозному фактору,

способствуя появлению гетто (8). Нельзя не заметить, что миграционные потоки, направленные в Тюменский край, увеличили здесь численность мусульман и тех, кто культурно-исторически и по происхождению соотносит себя с ними (9). Любопытно, что среди нефтяников созданной В.Ю. Алекперовым компании «ЛУКойла» (Лангепас–Урай–Когалым–нефть) около половины – мусульмане и поэтому благотворительный фонд фирмы активно участвует в строительстве мечетей и оплате деятельности имамов (10).

С одной стороны, рост религиозной активности мусульман и увеличение их численности в регионе вызывает возражения и протестные заявления активистов некоторых организаций, подобных Тюменскому региональному обществу «За православную нравственность». Чтобы не вызывать подобных протестных акций, некоторые градообразующие предприятия строят в северных городах одновременно (и вблизи) православный храм и мечеть.

С другой стороны, как реакция на вышеназванные процессы, это приводит к формированию поверх этнических идентичностей религиозной, которая в определенные моменты может играть более значительную социокультурную и общественно-мобилизующую роль (11).

С третьей стороны, конфессиональные отличия могут оказывать дезинтегрирующее воздействие на иные этнические общины. Это может быть связано с делением, например, осетин на мусульман и христиан; православных украинцев на сторонников МП РПЦ или Украинской автономной Церкви, не говоря уже о наличии среди украинцев католиков, униатов, протестантов. Конфессиональные предпочтения могут способствовать дезинтеграции и «христианских» этносов. Так, в ХМАО-Югре произошел раскол сургутской общины украинцев по религиозному признаку на униатов (сторонников Греко-Католической Церкви) и православных (12).

Отметим, что мигранты находятся и по другую сторону «правовой баррикады». Среди них – уроженец Узбекистана П.Ф. Жураев, работавший в УВД г. Тюмени, удостоенный в 2000 г. ордена «Мужество» (посмертно) за героизм, проявленный во время боевых действий на территории Чеченской Республики и зачисленный навечно в списки личного состава подразделения. Такие примеры должны быть в обществе известны, тем самым, снижая накал негатива к «азиатам». Другой вопрос, что антропологические, культурные (предпочитают *свое* общение и *свою* кухню) и бытовые отличия выполняющих в социально важных зонах городов и населенных пунктов (строительные и ремонтные работы сезонных мигрантов бросаются в глаза (13).

Ситуацию усугубляет то, что в ряде регионов России стали возрождаться архаичные ценности, ориентированные на *свои* локальные группы (род, тейп), которые отражаются и на ситуации, складывающейся в

местах их современного проживания. Можно только приветствовать проведение молодежных этнических вечеринок (дискотек), если это поддерживает у людей этническое чувство, но не культивирует этническую исключительность (14). Основными «жертвами» миграции являются сами мигранты и слаб государственный контроль за социальными условиями, соблюдением Трудового Кодекса, в т.ч. оплатой труда (15).

В июле 2006 г. было опубликовано решение о Программе репатриации соотечественников из-за рубежа. Тюменская область определена в числе регионов, которые станут «экспериментальной площадкой» для «обкатки» технологий и методов приема и адаптации мигрантов, которые желают переехать в Россию. Это накладывает на органы власти и сообщество ответственность за успешность Программы. Необходимо осознать: что ожидаем; что получим; от чего следует отказаться; какую «цену» предстоит заплатить за издержки и ошибки переселения соотечественников, иногда существенно отличающихся ментальностью, традициями, бытовой и, что немаловажно для гражданского мира и согласия, религиозной культурой.

Расположенная в центре России (да и силуэтом похожая на ее сердце) Тюменская область как в капле воды отражает многосложность ситуации с положением мигрантов и этнических сообществ, с реализацией их прав на сохранение и развитие языка, культуры, с идеей укрепления толерантности.

Примечания

1. Долгих В.И. Особенности развития приграничных областей Российской Федерации на пороге XXI века // Проблемы социально-культурной адаптации мигрантов из стран СНГ в приграничных районах Российской Федерации. – Тюмень. 2004. Ч. 1. – С. 79.

2. Семенюк Е.С. Иммиграция титульного населения из стран Средней и Юго-Восточной Азии: положение на российском рынке труда // Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. Вып. 2. – Новосибирск, 2004. – С. 149-153.

3. см.: Zamonaviy badiy madaniyatda folklor va xalq ijodiYni. – BoYsun, 2002. – Б. 75.

4. Тюгашев Е.А., Выдрин Г.А., Попов Ю.В. Этноконфессиональные процессы в современной Югре. –Новосибирск. 2004. – С. 133-134.

5. «Тюменский бройлер» выпустил 500 тонн «халяль» // Напоминание. – 2005. – Январь.

6. Киричук С.М. Социум – тюменцы: социологический экскурс истории национально-религиозных отношений города Тюмени // Региональные социокультурные процессы: Тематический сборник / Под ред. Н.Г. Хайруллиной. – Тюмень, 2004. Вып. 2. – С. 79.

7. Паин Э. Почему помолодела ксенофобия. О масштабах и механизмах формирования этнических предрассудков // Независимая газета. – 2003. – 14 октября.

8. Цыпин А. Реконструкция Чечни. – www.kavkaz-forum.ru; относительно таджиков в Сибири см.: Озимова С.К. Внешняя миграция таджиков: традиция и современность // Перспективы миграции коренных народов Центральной Азии в Россию. – Новосибирск. 2003.

9. Туманова Л. Мечеть для Нягани // Тюменская область сегодня. – 1997. – 31 декабря.

10. Тюгашев Е.А., Выдрин Г.А., Попов Ю.В. Этноконфессиональные процессы в современной Югре. – Новосибирск. 2004. – С. 57.

10. Живыми родных он больше не увидел // Регион Тюмень. – 2004. – Декабрь.

11. Там же.

12. Ермакова Е.Е., Ярков А.П. Таджикская диаспора в Тюменской области (этнокультурологический портрет в пространстве и во времени) // Проблемы социально-культурной адаптации мигрантов из стран СНГ в приграничных районах Российской Федерации. – Тюмень. 2004. Ч. 1. – С. 164.

13. Где согласие, там и благополучие // Интернациональная газета. – 2004. – Декабрь.

14. Степанов С. Труд иностранцев: «за» и «против» // Тюменская область сегодня. – 2004. – 27 июля.

15. Съели нитрат натрия // Жизнь. – 2005. – 13 января.